

УДК 930+342.4

DOI: 10.37482/2687-1505-V162

*ДИУНОВ Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Ярославского государственного технического университета. Автор 12 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1887-051X>

ОЦЕНКА ЗАКОННОСТИ ОТРЕЧЕНИЯ НИКОЛАЯ II

Статья посвящена изучению историко-правовых аспектов отречения Николая II. Рассматривается, насколько акт об отречении соответствовал требованиям действующего законодательства и какие нарушения были допущены при его составлении. Анализируется законодательство Российской империи, относящееся к определению полномочий императора и Государственной Думы, описывается сложившаяся в России ситуация, когда после выхода манифеста 17 октября 1905 года власть российского монарха приобрела конституционный характер, в связи с чем ранее доступные императору возможности изменения законодательства были существенно ограничены как указанным манифестом, так и «Основными государственными законами» от 23 апреля 1906 года. Изучается вопрос правового оформления отречения, а также возможность отречения в пользу определенного кандидата: цесаревича Алексея или великого князя Михаила. Утверждается, что, поскольку Основные государственные законы Российской империи не подразумевали процесса отречения действующего монарха, это могло быть реализовано лишь через издание нового закона, имеющего характер основного. При рассмотрении проблемы отречения за наследника (цесаревича Алексея) делается вывод, что такое отречение также было невозможно с точки зрения закона и единственно законным вариантом действий было точное следование акту о престолонаследии 1797 года. Возможность отречения в пользу великого князя Михаила определяется как незаконная в связи с тем, что в данном случае нарушаются требования акта о престолонаследии 1797 года с последующими изменениями. Выдвигается предположение, что документ об отречении был составлен группой заговорщиков, готовивших государственный переворот. Производится сравнение порядка отречения Николая II со схожим прецедентом, имевшим место в британской истории XX века, когда оформлялось отречение короля Эдуарда VIII.

Ключевые слова: император Николай II, отречение от престола, Основные государственные законы Российской империи, порядок престолонаследия, самодержавие в России, Государственная Дума.

* Адрес: 150023, г. Ярославль, просп. Московский, д. 88; e-mail: diunovmyu@ystu.ru

Для цитирования: Диунов М.Ю. Оценка законности отречения Николая II // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 2. С. 16–27. DOI: 10.37482/2687-1505-V162

Отречение Николая II как предмет историко-правового анализа. 2 марта 1917 года в 23:40 в салоне царского поезда Николай II передал представителям Государственной Думы А.И. Гучкову и В.В. Шульгину документ об отречении. Когда он был опубликован в газетах, никто не задал вопрос, насколько это отречение соответствовало законам Российской империи. Не ставя под сомнение подлинность самого документа, стоит рассмотреть его с точки зрения действующего в России в 1917 году законодательства.

Когда данный акт был обнародован, кто-то был удивлен, кто-то, напротив, давно ждал такого развития событий. Первые привыкли к тому, что русский император правит самодержавно и, следовательно, волен в своих решениях. Хотя Государственная Дума активно работала уже 12 лет, немалая часть общества все еще не осознала изменение государственного устройства, по привычке считая императора абсолютным монархом. Вторые воспринимали акт об отречении как неизбежное и крайне желательное событие, отчего любые сомнения в его законности отметались прочь. Последовавшие вслед за отречением быстрые и радикальные перемены в общественной жизни не позволили дать подробный анализ случившегося, а после утверждения власти большевиков вопрос правового анализа и вовсе потерял всякий смысл.

Россия два столетия была абсолютной монархией. При Петре I исчезли последние элементы сословно-представительного устройства государственной власти. Последний Земский собор был созван в 1683 году для обсуждения «Вечного мира» с Речью Посполитой. Возможно, состоялся еще Собор для суда над царевной Софьей в 1698 году, но свидетельства об этом недостаточно достоверны [1, с. 371]. После этого вся полнота государственной власти находилась в руках монарха, который не нуждался в представительных учреждениях для принятия законов.

В 1905–1906 годах государственное устройство Российской империи было кардинально

пересмотрено. Россия из абсолютной монархии стала конституционной. В советской историографии этот факт предпочитали отрицать или считать сомнительным [2, с. 24–25], но большая часть исследователей, как современных российских, так и зарубежных, сходятся на том, что после принятия Основных государственных законов Российской империи 23 апреля 1906 года Россия стала обладать конституцией [3, с. 446]. В манифесте 17 октября 1905 года говорилось: «Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы» [4, с. 754]. Далее следовало придать декларации характер закона. Это было реализовано в манифесте от 20 февраля 1906 года, устанавливающим порядок выборов в Государственную Думу, и в «Основных государственных законах» (ОГЗ) от 23 апреля 1906 года, которые и стали первой российской конституцией. Статья 69 гласила: «Законопроекты, не принятые Государственным Советом или Государственной Думой, признаются отклоненными»¹. Утвердив два законодательных акта 1906 года, используя свои права абсолютного монарха, Николай II отказался от права принимать новые законы без одобрения народных представителей.

С этого момента и до 1917 года имелся лишь один случай нарушения действующего законодательства. Это произошло в ходе событий 3 июня 1907 года, когда император Николай II распустил II Государственную Думу и изменил избирательный закон без одобрения парламента. Единственная причина незаконного решения была связана с тем, что деятельность II Государственной Думы носила явно антиправительственный, революционный характер и рассчитывать на прохождение нового избирательного закона через нее было абсолютно невозможно.

Несмотря на то, что в современном российском обществе продолжают споры об отречении Николая II и данное событие упоминается во множестве книг и отдельных статей, сам акт об отречении до сих пор не стал

¹Здесь и далее статьи ОГЗ цитируются по [5].

объектом серьезного историко-правового анализа. Выходили лишь работы П.В. Мультатули, посвященные опровержению подлинности документа об отречении [6, с. 290], и В.Ж. Цветкова, полностью оправдывающие факт отречения [7, с. 68], причем, как нам представляется, делающие это весьма неубедительно. Лаконичная попытка дать правовой анализ отречения содержится в книге Ю.А. Бахурина [8, с. 816–819], но он полностью следует концепции В.Ж. Цветкова, на которого прямо ссылается. Полемика с концепцией П.В. Мультатули представляется бесперспективной, т. к. он отрицает сам акт об отречении, считая его фальшивкой, а рассмотрение аргументации В.Ж. Цветкова в пользу законности отречения является важным элементом настоящей работы. В основном же критические замечания в адрес акта об отречении исходят от неспециалистов в истории (например, Н.В. Поклонской) и связаны с нюансами оформления акта: карандашная подпись, телеграмма как форма передачи информации и т. д. Рассмотрение замечаний такого рода не входит в задачи данного исследования.

Между тем отречение имело колоссальные последствия для всей последующей истории России. Мы до сих пор живем в стране, которая возникла в результате этого отречения. После данного события в России встал вопрос о государственном устройстве страны, вследствие чего произошло провозглашение республики. Уничтожение царской власти привело к быстрой деградации властных структур Российской империи, которая строилась как вертикаль власти с необыкновенно высокой ролью личности монарха. Следствием этого стало быстрое нарастание революционных настроений в российском обществе. Пренебрежение правовыми аспектами было заложено в новую государственность еще при Временном правительстве, поэтому большевики, с их политикой, основанной не на праве, а на диктатуре, были не инициаторами, но продолжателями революционного хаоса, который начался 2 марта 1917 года. Исходя из вышеизложенного, рассмотрение вопроса об отречении с точки зрения права, законода-

тельства Российской империи, представляется актуальным для отечественной историографии, что и определило цель настоящей работы.

Отречение с точки зрения Основных государственных законов Российской империи. Законодательство Российской империи вообще не предусматривало отречения действующего монарха. Механизм отказа от власти имелся лишь в отношении возможных наследников, что явно следует из ст. 37 ОГЗ. И это не случайно. Русская монархическая традиция понимала власть императора не как привилегию, а как долг, подобный военной службе. Предполагалось, что монарх служит своей державе и поэтому не может самовольно покинуть пост, на который поставлен Божественной волей. Любая попытка отказаться от монаршего долга – событие чрезвычайное. В русской истории до 1917 года не было ни одного примера того, как монарх при жизни добровольно подписывал отречение. Да и примеров отречения имелось всего два.

Петр III был свергнут в результате государственного переворота. Его так называемый манифест об отречении был фальшивкой, сочиненной статским советником Г.Н. Тепловым [9, с. 49] в условиях, когда надо было быстро и любой ценой обосновать законность передачи власти Екатерине II. Этот документ был настолько сомнителен с точки зрения права, что не был признан последующими правителями государства, после смерти Екатерины II был изъят из обращения и не вошел в Полное собрание законов Российской империи.

Цесаревич Константин Павлович по закону являлся наследником своего старшего брата Александра I, но отказался от власти. В связи с отсутствием четких указаний о порядке отречения в «Учреждении об императорской фамилии» 1797 года, отречение было оформлено в виде обращения на имя правящего императора. После этого Александр I издал манифест 16 августа 1823 года, в котором сообщалось, что император удовлетворил просьбу цесаревича Константина: «...находя, что существующие постановления о порядке наследования Престола

у имеющих на него право не отъемлют свободы отрещись от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола» [10]. В данном случае отречение происходило со стороны совершеннолетнего наследника и оформлялось как закон, изданный по воле абсолютного монарха. Важно признать, что поскольку закон Российской империи не подразумевал возможности отречения правящего монарха, единственной законной возможностью отречения было оформление его в качестве нового закона, который с 1906 года должен был приниматься при одобрении народных представителей.

В ст. 4 ОГЗ 1906 года русский император по-прежнему именовался самодержцем. Однако этот термин вовсе не означал абсолютной власти. Самодержец – калька греческого термина *αὐτοκράτωρ*. Как показал в своих исследованиях Г.А. Острогорский, сербские и болгарские правители, стремившиеся к независимости от Византийской империи, перенимали титул византийского императора, чтобы подчеркнуть, что они являются равней ромейскому василевсу [11]. Таким образом, под словом «самодержец» подразумевался не абсолютный правитель, а суверен – глава независимого государства, самостоятельно проводящего собственную политику. По этой причине титул «самодержец» использовался в русском государстве задолго до эпохи абсолютной монархии, но сразу после того, как великие князья Московские стали считать себя независимыми от Орды. По словам сербского историка Н. Кршлянин, «ни самое слово “автократор”, ни власть автократора Ромеев как таковая не имели коннотаций абсолютизма, а только верховной власти, не принадлежащей никому, кроме царя Ромеев, правящего по воле Божией» [12, с. 164].

После 1906 года всероссийский император утратил права абсолютного монарха, и любая законодательная инициатива, исходящая от императора, должна была быть обязательно утверждена Государственной Думой и Государственным Советом. Приняв за основу этот факт,

мы приходим к выводу, что точно такая же процедура должна была быть проделана и с актом об отречении Николая II. Даже в ситуации, когда конституция давала императору право издавать законы без утверждения Государственной Думы, а именно «во время прекращения занятий Государственной Думой» (ст. 87 ОГЗ), этот закон действовал временно и переставал действовать, если в течение двух месяцев не был вынесен на обсуждение Государственной Думы после возобновления ее работы.

Начиная с 25 февраля 1917 года имела место именно такая ситуация. Николай II подписал указы о «перерыве в занятиях» Государственного Совета и Государственной Думы. Поэтому акт об отречении, для того чтобы «воспринять силу» закона, должен был быть рассмотрен Думой сразу после начала ее заседаний. А учитывая чрезвычайный характер отречения, Дума должна была быть собрана немедленно. Ведь без этого акт об отречении оставался не более чем волей частного лица, хотя и стоящего во главе Российской империи.

Правовое оформление отречения. Рассмотрим отречение Николая II от престола в связи с «Учреждением об императорской фамилии» 23 апреля 1906 года (УИФ), являвшимся частью Основных государственных законов Российской империи [6]. В соответствии с ОГЗ, император имел право издавать законы, вносящие изменения и дополнения в УИФ. Статья 125 ОГЗ гласила: «[УИФ], сохраняя силу Законов Основных, может быть изменяемо и дополняемо только Лично Государем Императором в преуказываемом Им порядке, если изменения и дополнения сего Учреждения не касаются законов общих и не вызывают нового из казны расхода». Это правило соответствовало европейской и русской традициям, когда правящая династия даже в конституционных монархиях управлялась монархом единолично. Данное право фиксировалось в ст. 220 ОГЗ «Каждый Член Императорского Дома обязуется к лицу Царствующего, яко к Главе Дома и Самодержцу, совершенным почтением, повиновением, послушанием и подданством» и ст. 222 ОГЗ «Царствующий Император,

яко неограниченный Самодержец, во всяком противном случае имеет власть отрешать неповинующегося от назначенных в сем законе прав и поступать с ним яко преслушным воле монаршей».

Когда, уже после издания ОГЗ 1906 года, законодательно оформлялись отказы от права наследования трона в случае морганатического брака, оба таких решения, касающихся княжон императорской крови Татьяны Константиновны Романовой и Ирины Александровны Романовой (в 1911 и 1914 годах соответственно), в полном соответствии с ОГЗ, утверждались именными высочайшими указами Николая II и через Думу не проводились. Но в случае с отречением правящего императора ситуация была совсем иной. Во-первых, отречение от власти касалось не частного случая права наследования трона, а всего государственного устройства России. Во-вторых, император, располагая властью над членами своей династии, был не властен сам над собой. Выше императора стоял закон.

Рассмотрим оформление акта об отречении, в котором сразу обнаружим странности. Он был адресован в Ставку, начальнику штаба. Между тем отречение – это не военный документ, он не имеет никакой связи с управлением действующей армией. Акт об отречении, являющийся, как мы отметили выше, законодательной инициативой, император должен был передать на рассмотрение Государственной Думе, а до подписания акта об отречении император должен был восстановить работу Государственной Думы и Государственного Совета, которые, получив документ, должны были рассмотреть его и утвердить.

Теоретически акт могли не утвердить, используя в качестве довода, предположим, сложную ситуацию военного времени. Дума в тот момент имела все права заставить императора продолжать исполнять свои обязанности главы государства и Верховного главнокомандующего. Разумеется, в условиях уже начавшейся революции такое развитие событий представляется невероятным, но сама возможность отклонить закон у депутатов была (ст. 111 ОГЗ).

Затем утвержденный Думой закон должен был быть рассмотрен Государственным Советом, который также мог высказаться за или против. И только после этого акт об отречении мог стать законом, быть опубликованным и начать действовать. Аргумент, что 2 марта 1917 года Ставка была единственным работоспособным органом [7, с. 74], стоит признать неубедительным, потому что данное обращение было отправлено буквально «не по адресу». Обращение с таким актом, скажем, в Сенат Российской империи, который продолжал работу в марте 1917 года, было бы куда более обоснованным действием.

Очень сложно предположить, что Николай II не знал, как следует оформлять законы Российской империи. Поэтому вполне логично сделать вывод, что порядок обнародования акта об отречении стал инициативой устроивших процесс отречения генералов Н.В. Рузского, М.В. Алексеева и председателя Государственной Думы М.В. Родзянко. Эта группа высших должностных лиц империи предложила Николаю II не предусмотренный ОГЗ вариант действий. Отречение было оформлено как чрезвычайный закон, а сам акт опубликован в виде императорского манифеста. Стоит признать, что принятие закона в обход требований ОГЗ было не чем иным, как государственным переворотом. Однако политические обстоятельства в тот момент благоприятствовали именно такому ходу событий, ведь еще 1 марта 1917 года, до отречения, Временный комитет Государственной Думы при участии представителей не имевшего никакого законного статуса Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов обсудил и согласовал состав Временного правительства, т. е. сделал первый шаг к государственному перевороту, присвоив себе власть, которая, согласно ОГЗ, принадлежала лишь императору.

Нет нужды рассматривать вопрос организации переворота в рамках данного исследования, но стоит отметить, что непосредственный участник революционных событий А.Ф. Керенский вспоминал, как в конце 1916 года, после образования Прогрессивного блока, его участниками на тайных собраниях «прак-

тически вырабатывалось положение о правах регента, регентского совета, об образовании правительства, ответственного перед народным представительством, намечался даже личный состав первого парламентского кабинета России» (цит. по: [7, с. 383]). Если это не заговор, то что же тогда можно назвать заговором?

Отречение в пользу великого князя Михаила. Порядок наследования императорской власти в Российской империи был определен двумя законами. Первоначально действовал Устав Петра I «О наследии престола» от 5 февраля 1722 года. Он устанавливал право монарха самому назначать себе наследника. Эта возможность стала правовым основанием для продолжавшейся весь XVIII век эпохи дворцовых переворотов. Император Павел I уничтожил неопределенность в выборе наследника, издав в день своей коронации 5 апреля 1797 года «Акт о престолонаследии», который с небольшими изменениями продолжал действовать до конца существования Российской империи.

Павел I, являясь законным наследником своего отца – императора Петра III, сам пострадал от произвола собственной матери Екатерины II, которая, свергнув императора, продолжала править и после совершеннолетия сына, не собираясь отдавать ему власть. Павел, хорошо понимая всю пагубность для государства такого порядка, установил новый порядок, «дабы государство не было без наследника. Дабы наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать» [13, с. 588]. Как говорилось в ст. 39 ОГЗ, «Император или Императрица, Престол наследующие, при вступлении на оный и миропомазании, обязуются свято наблюдать вышепостановленные законы о наследии Престола».

После 1797 года наследника определял только закон, а не воля монарха. Таким образом, формулировка акта об отречении: «Не желая расстаться с любимым Сыном нашим, мы передаем наследие наше Брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского» [14], – была абсолютно незаконной.

Император не мог определять наследника, им автоматически становился старший мужчина в линии наследования рода Романовых или, в случае полного отсутствия таковых, – в ближайшей родственной иностранной династии. С точки зрения российского законодательства единственно возможным наследником престола был цесаревич Алексей Николаевич.

Отречься не мог ни сам цесаревич (до наступления совершеннолетия), не мог за него сделать это и его отец, даже если он являлся правящим императором и главой дома Романовых. Попытка отречься за сына есть не что иное, как прямое нарушение закона. Причем, поскольку Николай II был отлично осведомлен о границах своих полномочий, очевидно, что такое решение было предложено ему группой организаторов государственного переворота, заинтересованных в отстранении императора от власти, а не соблюдении норм права. Поэтому крайне удивляет позиция В.Ж. Цветкова, который, ссылаясь на ст. 199 ОГЗ «Попечение о малолетнем лице Императорской Фамилии принадлежит его родителям; в случае же кончины их, или иных, требующих назначения опеки, обстоятельств, попечение как о личности, так и об имуществе малолетнего и управление его делами вверяется опекуну», делает вывод, что формулировка «попечение» дает отцу возможность отречься за несовершеннолетнего сына [16, с. 25]. Такая позиция означала бы, что Алексей Николаевич лишается своего неотъемлемого права, зафиксированного в ОГЗ, не по собственной воле, а по решению отца.

Если рассмотреть существовавший в Российской империи порядок наследования заповедных и майоратных имений (имевший много общего с порядком престолонаследия), то мы увидим, что они должны были переходить к законным наследникам одного рода по праву первородства [15, с. 309]. Иными словами, отец не мог лишить сына заповедного имения (которым, в самом общем смысле, для монарха являлась Российская империя), если только не возникала ситуация, когда наследник не мог

наследовать по закону. Точно такой принцип, исходя из логики российского законодательства, должен действовать и в отношении передачи права наследования трона, лишить которого отец, по собственному произволу, никак не вправе. Особенно абсурдной, с учетом того, что такое самодержавие и чем оно отличается от абсолютизма, выглядит ссылка на ст. 4 ОГЗ «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть...», что якобы оправдывает возможность нарушения закона Николаем II [8, с. 71].

Нам известна первоначальная редакция акта об отречении, содержащая следующий текст: «...призываем благословение Бога на сына Нашего, в пользу которого отречаемся от Престола Нашего. Ему до совершеннолетия – регентом брата Нашего Михаила Александровича» (цит. по: [16, с. 25]). Эта формулировка была юридически верной, но при этом избыточной, так как «наследник был назначен всегда законом», а вот назначение регента справедливо, т. к. определялось правящим монархом.

Очень важно обратить внимание на то, что текст акта об отречении не соответствует формулировкам ОГЗ, где в ст. 41 о регентстве писалось так: «При вступлении на престол Императора прежде сего возраста, до совершеннолетия Его, учреждается правительство и опека». Законы Российской империи, написанные на торжественном, несколько архаичном языке, не знали слова «регентство». Его не было ни в «Акте о престолонаследии» 1797 года, ни в ОГЗ 1906 года, ни в УИФ. Конечно, этот термин использовался, но, как правило, в популярной литературе и журналистике. Официальной же была формулировка «правительство и опека». Использование обиходного слова вместо юридического термина заставляет задуматься – а не был ли текст акта об отречении составлен людьми, не имеющими прямого отношения к правведению или придворной жизни, т. е. кем-то из участников государственного переворота или их приближенных?

В соответствии с нормами ОГЗ, с персоной, наследующей русский императорский трон,

в принципе ничего было невозможно сделать. Закон не предусматривал отстранения или освобождения от наследования «по болезни». От права получить трон освобождали лишь смерть наследника или добровольное отречение согласно ст. 37 ОГЗ. Несовершеннолетний наследник, таким образом, оказывался в плену закона и для отречения от еще не занятого престола был обязан дожидаться наступления совершеннолетия.

Конечно, болезнь цесаревича Алексея не была тайной для русского общества. Более того, гемофилия была (и остается) неизлечимым заболеванием. Государственная Дума могла попытаться рассмотреть вопрос о наследнике, основываясь на предположении, что болезнь Алексея не позволит ему полноценно выполнять обязанности правителя. Однако данная задача выходила за рамки действующего законодательства и потребовала бы внесения изменений в ОГЗ, а такого права депутаты Государственной Думы не имели: «Единственно по Его (императора. – прим. автора) почину Основные Государственные Законы могут подлежать пересмотру в Государственном Совете и Государственной Думе» (ст. 8 ОГЗ). Иными словами, вносить их на рассмотрение мог либо действующий император, либо лицо, осуществляющее опеку над наследником престола.

Кроме того, здоровье Алексея Николаевича в 1917 году не позволяло уверенно утверждать о тяжелом состоянии, а тот факт, что гемофилия передается лишь по женской линии, позволял быть абсолютно уверенным, что сын и наследник Алексея родится здоровым (и, что более важно, такой потомок будет обладать безупречными правами на престол, как происходящий из старшей мужской линии дома Романовых). В качестве примера можно привести двоюродного брата цесаревича Алексея – принца Вальдемара Гогенцоллерна, которому гемофилия не помешала отслужить в германской армии, вести активную жизнь и скончаться в возрасте 56 лет лишь от того, что весной 1945 года ему, по понятным причинам, не смогли вовремя сделать переливание крови.

Таким образом, законным вариантом развития событий была передача власти цесаревичу Алексею с учреждением регентства. Вопрос о персоне регента оставался открытым – его мог назначить монарх до момента отречения или же, согласно ст. 45 ОГЗ «...правительство и опека принадлежат ближнему к наследию престолу из совершеннолетних обоюбого пола родственников малолетнего Императора», им мог стать все тот же великий князь Михаил Александрович Романов.

Иной вариант – изменение порядка престолонаследия, инициированное правящим монархом. В этом случае еще до отречения Николай II должен был передать на обсуждение Государственной Думы проект закона, отстраняющего от наследования цесаревича Алексея. В этом случае наследником по закону становился великий князь Михаил. Но и эта возможность не была использована в марте 1917 года.

Отречение великого князя Михаила Александровича. Согласно рассмотренным выше сведениям, все действия членов дома Романовых после публикации акта Николая II об отречении и дальнейших действий Временного правительства, как если бы этот документ был законным, находились вне правового поля. На этом фоне удивительно корректной оказалась позиция великого князя Михаила Александровича, который был вынужден действовать после того, как акт об отречении 2 марта 1917 года «передал» ему право на престол. Находясь в положении, когда признание незаконного акта лишь спровоцирует дальнейшую последовательность нарушений закона, великий князь подготовил и обнародовал документ «Акт об отказе Михаила Александровича от восприятия верховной власти впредь до установления в Учредительном собрании образа правления и новых основных законов государства Российского» от 3 марта 1917 года. В нем говорилось: «...принял я твердое решение в том случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием чрез представителей своих в Учредительном собрании

установить образ правления и новые основные законы государства Российского» [17, с. 534].

Михаил Александрович, получивший юридическое образование и хорошо знавший действующее законодательство Российской империи, пришел к очевидному выводу, что издание акта об отречении и признание его Временным правительством создали правовой тупик. Принять императорскую власть он не мог, т. к. понимал незаконный характер ее передачи. Поэтому единственным выходом из тупика было рассмотрение вопроса о наследовании на Учредительном собрании, т. е. фактическое возвращение к той традиции, которая существовала в Русском царстве до реформ Петра Великого, когда вопросы об избрании царя решались Земскими соборами: 1598 года (избрание Бориса Годунова), 1606 года (избрание Василия Шуйского), 1613 года (избрание Михаила Романова) и двумя соборами 1682 года, принявшими решения об избрании Петра I и Ивана V (хотя о допустимости считать их Земскими соборами нет единого мнения). Иного варианта решения у великого князя не оставалось.

Порядок отречения от престола в рамках правового поля. Для подтверждения выводов, сделанных в настоящей работе, проследим, как в 1936 году происходило отречение короля Великобритании Эдуарда VIII. Когда последний унаследовал трон, правительство узнало, что он намерен вступить в морганатический брак с американкой Уоллис Симпсон, находящейся в браке и ведущей бракоразводный процесс. Кабинет, сформированный консервативной партией, заявил королю, что такие действия неприемлемы (брак считался незаконным согласно требованиям *Royal Marriages Act 1772*) и Эдуард VIII должен или отказаться от брака, или отречься от престола. Король принял решение не доводить дело до парламентского кризиса и отречься.

Ситуация была точно такая же, как и в России в 1917 году, – в Великобритании не существовало никаких правовых оснований отречения и ни один монарх ранее добровольно не отказывался от власти. Поэтому отречение оформлялось как особый закон. Вначале Эдуард VIII

10 декабря 1936 года подписал уведомление об отречении [18], заверенное его братьями, среди которых находился наследник, будущий Георг VI. На следующий день британский парламент рассмотрел уведомление, приняв акт «Об отречении Его Величества» [19]. Этот документ был подписан Эдуардом VIII, после чего приобрел силу закона, и королем немедленно стал его брат Георг VI, что особо отмечалось в парламентском акте. Специфика Британской империи после принятия Вестминстерского статута 1931 года требовала утверждения акта парламентами доминионов, но поскольку ранее уже были проведены необходимые консультации, данная задача стала простой формальностью.

Передача власти Георгу VI прошла законно и не вызвала никаких проблем. Схожим образом мог быть оформлен процесс передачи императорской власти и в Российской империи, но этого не произошло, и можно предположить, что последовавшие за этим длительная смута, революция и Гражданская война во многом стали следствием столь вопиющего пренебрежения законностью, которое разрушило легитимность власти и подорвало основы государства. Акт об отречении, подписанный Николаем II в Пскове, никогда не рассматривался собранием народных представителей, отчего так и не стал законом. Поэтому мы можем утверждать, что законность власти в России со 2 марта 1917 года можно ставить под сомнение, а любые дальнейшие действия являются узурпацией власти.

Вышеописанный порядок передачи власти полностью соответствует не только законам Российской империи, но и традиционному представлению о власти монарха, идущему с древнейших времен. Считалось, что правитель

обладает двумя телами, одно из них – человеческое, смертное, второе – политическое, над которым смерть не властна [20, с. 428]. Эта идея воплощалась в формуле передачи власти «Король умер – да здравствует король!», означавшей, что смерть короля – момент, с которого отсчитывается правление его наследника.

Основные государственные законы Российской империи были в данном отношении однозначны. В случае отречения Николая II императором немедленно становился его наследник цесаревич Алексей. До достижения им совершеннолетия функции главы государства временно переходили к регенту, который должен был быть назначен действующим императором или которым автоматически становился следующий в линии наследования совершеннолетний представитель династии (ст. 43, 44, 45 ОГЗ). Иных законных вариантов просто не существовало.

Первое, что должны были сделать власти Российской империи, получив странный текст отречения, – это задать очевидный вопрос: почему в столь важном государственном документе содержится столько нарушений? После этого единственно возможным решением становилось приведение отречения в соответствие с нормами права и дальнейшие действия строго по закону. Этого не случилось потому, что лица, облеченные властью, отвечавшие за «обнародование и обращение в закон» отречения оказались или сами вовлечены в процесс лишения императора власти, или же парализованы усилиями депутатов Государственной Думы и части генералитета, предпринявших немалые усилия, чтобы заставить Николая II отречься.

Список литературы

1. Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.
2. Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М.: Мысль, 1976. 318 с.
3. Леонтович В.В. История либерализма в России: 1762–1914. М.: Рус. путь, 1995. 549 с.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. XXV. 1905. Отделение I. СПб.: Гос. тип., 1908. [2], 966, 156, [1] с.

5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. XXVI. 1906. Отделение I. СПб.: Гос. тип., 1909. [2], 1141, [29] с.
6. *Мультиатули П.В.* Император Николай II и заговор 17-го года. Как свергли монархию в России. М.: Вече, 2013. 432 с.
7. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1917–1919 гг. М.: Яуза-Каталог, 2019. 1056 с.
8. *Бахурин Ю.А.* Фронт и тыл Великой войны. М.: Пятый Рим, 2019. 1136 с.
9. *Киселев М.А.* Обстоятельный манифест о восшествии Екатерины II на престол 1762 г.: Авторство и идейные источники // *Соврем. науч. мысль*. 2018. № 5. С. 48–64.
10. Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 679. Оп. 1. Д. 68. Л. 1–2.
11. *Острогорски Г.* Автократор и самодержац // *Глас Српске краљевске академије*. Београд, 1935. Т. CLXIV, други разред, кн. 84. С. 95–187.
12. *Крилянин Н.* Титул самодержца (автократора) в Сербии и России: два пути развития византийского наследия // *Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Междунар. отношения*. 2017. Т. 22, № 5. С. 162–183. DOI: [10.15688/jvolsu4.2017.5.16](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.16)
13. Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. [Собрание Первое]. Т. XXIV. С 6 ноября 1796 по 1798. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 872 с.
14. Об отречении Государя Императора Николая II от престола Российского и о сложении с себя верховной власти // Исторический факультет Московского государственного университета. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/03_17.htm (дата обращения: 29.07.2021).
15. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга третья / сост. И.М. Тютрюмов. М.: Статут, 2004. 571 с.
16. *Цветков В.Ж.* Правовые основы отречения. Допустимость отречения за Цесаревича // *Посев*. 2009. № 3(1578). С. 25–30.
17. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Петроград, 1917. № 54.
18. His Majesty's Declaration of Abdication Act 1936. Schedule. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Edw8and1Geo6/1/3/schedule/enacted> (дата обращения: 29.07.2021).
19. His Majesty's Declaration of Abdication Act 1936. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Edw8and1Geo6/1/3/introduction/enacted> (дата обращения: 29.07.2021).
20. *Канторович Э.Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 754 с.

References

1. Cherepnin L.V. *Zemskie sobory russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemsky Sobors of the Russian State in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 1978. 417 p.
2. Chermenskiy E.D. *IV Gosudarstvennaya дума i sverzhenie tsarizma v Rossii* [The 4th State Duma and the Overthrow of Tsarism in Russia]. Moscow, 1976. 318 p.
3. Leontovich V.V. *Istoriya liberalizma v Rossii: 1762–1914* [The History of Liberalism in Russia: 1762–1914]. Moscow, 1995. 549 p.
4. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sbranie Tret'e. T. XXV. 1905. Otdelenie I* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 25. 1905. Part 1]. St. Petersburg, 1908. 966, 156 p.
5. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sbranie Tret'e. T. XXVI. 1906. Otdelenie I* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 26. 1906. Part 1]. St. Petersburg, 1909. 1141 p.
6. *Mul'tatuli P.V. Imperator Nikolay II i zagovor 17-go goda. Kak svergali monarkhiyu v Rossii* [Emperor Nicholas II and the 1917 Conspiracy. How Monarchy Was Overthrown in Russia]. Moscow, 2013. 432 p.
7. *Tsvetkov V.Zh. Beloe delo v Rossii: 1917–1919 gg.* [The White Movement in Russia: 1917–1919]. Moscow, 2019. 1056 p.
8. *Bakhurin Yu.A. Front i tyl Velikoy voyny* [The Front and the Home Front of the Great War]. Moscow, 2019. 1136 p.
9. *Kiselev M.A. Obstoyatel'nyy manifest o vosshestvii Ekateriny II na prestol 1762 g.: Avtorstvo i ideynye istochniki* [Detailed Manifesto About Accession of Catherine II to the Throne in 1762: Authorship and Ideas Sources]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 2018, no. 5, pp. 48–64.

10. *State Archives of the Russian Federation*. Coll. 679. Inv. 1. Fol. 68. Ff. 1–2 (in Russ.).
11. Ostrogorski G. Autocrat and Absolute Ruler. *Glas Srpske kraljevske akademije*, Belgrade, 1935. Vol. CLXIV, section 2, book 84. Pp. 95–187 (in Serbian).
12. Kršljanin N. The Title of Samoderzhets (Autokrator) in Serbia and Russia: Two Ways of Byzantine Heritage Development. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 22, no. 5, pp. 162–183 (in Russ.). DOI: [10.15688/jvolsu4.2017.5.16](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.16)
13. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii, s 1649 goda. Sobranie Pervoe. T. XXIV. S 6 noyabrya 1796 po 1798* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, from 1649. Collection 1. Vol. 24. From 6 November 1796 to 1798]. St. Petersburg, 1830. 872 p.
14. On the Abdication of Sovereign Emperor Nicholas II of Russia and on His Laying down the Sceptre. *Faculty of History of Moscow State University*. Available at: http://www.hist.msu.ru/ER/EText/03_17.htm (accessed: 29 July 2021) (in Russ.).
15. Tyutryumov I.M. (comp.). *Zakony grazhdanskie s raz'yasneniyami Pravitel'stvyushchego Senata i kommentariyami russkikh yuristov* [Civil Laws with Clarifications from the Governing Senate and Comments by Russian Lawyers]. Book 3. Moscow, 2004. 571 p.
16. Tsvetkov V.Zh. Pravovye osnovy otricheniya. Dopusimost' otricheniya za Tsesarevicha [Legal Basis for Abdication. Acceptability of Abdication on Behalf of the Tsesarevich]. *Posev*, 2009, no. 3, pp. 25–30.
17. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvyushchem Senate* [Collected Laws and Regulations of the Government Published Under the Governing Senate]. Petrograd, 1917. No. 54.
18. *His Majesty's Declaration of Abdication Act 1936. Schedule*. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Edw8and1Geo6/1/3/schedule/enacted> (accessed: 29 July 2021).
19. *His Majesty's Declaration of Abdication Act 1936*. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Edw8and1Geo6/1/3/introduction/enacted> (accessed: 29 July 2021).
20. Kantorowicz E.H. *The King's Two Bodies. A Study in Mediaeval Political Theology*. Princeton, 1997. 568 p. (Russ. ed.: Kantorovich E.Kh. *Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii*. Moscow, 2015. 754 p.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V162

Mikhail Yu. Diunov

Yaroslavl State Technical University;
prosp. Moskovskiy 88, Yaroslavl, 150023, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1887-051X> e-mail: diunovmyu@ystu.ru

ASSESSING THE LEGALITY OF THE ABDICATION OF NICHOLAS II

This article studies the historical and legal aspects of the abdication of Nicholas II. It examines the question of whether his declaration of abdication met the requirements of the legislation of that time and what violations, if any, were committed during its drafting. The paper analyses the laws of the Russian Empire stipulating the powers of the emperor and the State Duma as well as describes the situation in Russia after the Manifesto of October 17, 1905 – a precursor to the Empire's first Constitution – was issued. As a result, the emperor's power to change legislation was significantly limited by both the Manifesto and the Russian Constitution of April 23, 1906. Further, the paper studies the legal aspect of the abdication, as well as the possibility of abdicating in favour of a certain candidate: Tsesarevich Alexei or Grand Duke Michael. The author claims that, since the Russian Constitution of 1906 had

For citation: Diunov M.Yu. Assessing the Legality of the Abdication of Nicholas II. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 16–27. DOI: 10.37482/2687-1505-V162

no provision for abdication of the ruling monarch, this could only be implemented through adopting a new fundamental law. Moreover, an abdication on behalf of the heir (Tsesarevich Alexei) was also impossible from the legal point of view, the only legitimate course of action being to follow the Law of Succession of 1797. The abdication in favour of Grand Duke Michael is seen as illegal due to the fact that in this case the Law of Succession of 1797 with subsequent amendments was violated. This allows us to assume that the document of abdication was drawn up by a group of conspirators who had been preparing a coup d'état. In addition, a comparison is made between the process of abdication of Nicholas II and a similar precedent in the British history of the 20th century, when the abdication of King Edward VIII was formalized.

Keywords: *Emperor Nicholas II, abdication, Russian Constitution of 1906, order of succession, autocracy in Russia, State Duma.*

Поступила 12.10.2021
Принята 22.03.2022
Опубликована 08.04.2022

Received 12 October 2021
Accepted 22 March 2022
Published 8 April 2022